

Фан Чжи очнулся в полумраке комнаты, ощущая непонятную боль во всем теле, словно его переехал каток. Каждая мышца ныла, а в заднем проходе отчетливо ощущалась распирающая боль, будто то, что причиняло страдания, все еще продолжало тревожить его изнутри.

На его талии лежала пара теплых рук, крепко удерживая его. Фан Чжи осторожно повернулся, положив одну руку поверх чужой, и увидел, что человек, лежавший позади, спал, нахмурившись. Не удержавшись, он нежно провел пальцем по его лбу, пытаясь разгладить морщины.

За окном была глубокая ночь, и доносились звуки ночного сторожа, стучащего в деревянную колотушку где-то в узком переулке. Самый процветающий бордель в городе Лянчжоу — Башня Фэнчжи — стоял у воды, и окно комнаты Фан Чжи выходило на Великий канал, пересекающий город с севера на юг. Обычно здесь кипела жизнь, с лодками и туристами, но сейчас была уже пятая стража, и шум только что утих. Двери всех комнат были плотно закрыты, и вновь откроются они, вероятно, только после заката.

Прислушавшись к звукам снаружи, Фан Чжи услышал, как несколько слуг, вставших пораньше, тихо убрали внешний зал. После ночного веселья работы было много, и он, подумав об этом, уткнулся лицом в грудь Сун Чэнцина, намереваясь поспать еще немного. Но случайно он дернулся, задев чувствительное место, и тихо застонал.

Сун Чэнцин, нахмурившись, открыл глаза и крепче обнял человека в своих объятиях, прижавшись губами к его уху:

— Больно?

Фан Чжи покраснел и ответил:

— Немного... Еще рано, может, поспишь еще?

Сун Чэнцин только вчера вернулся с Пограничья, где провел более двух месяцев, сражаясь с врагами. Он сумел выявить их слабости и провел успешную атаку, заставив противника отступить на северо-запад. Но вернувшись в город после двухнедельного пути, он даже не зашел в дом семьи Сун, а сразу направился в Башню Фэнчжи. Если он не вернется домой пораньше сегодня, старшая сестра, вероятно, схватит его за ухо и заставит стоять во дворе, размышляя о своих поступках.

Подумав об этом, Сун Чэнцин надул губы, не желая отпускать человека из своих объятий, и, сутулясь, уткнулся лицом в плечо Фан Чжи, словно ребенок, капризно сказав:

— Я не хочу уходить... Давай еще раз?

Фан Чжи уже собирался отказать, но увидел, как этот человек, словно большая собака, жалобно надул губы и подался вперед, чтобы поцеловать его. Видя его таким, Фан Чжи не смог отказать, да и сам он соскучился за эти месяцы разлуки. Но вспомнив о старшей сестре Сун, он все же сказал:

— Сначала вернись домой, хорошо? Приходи позже, иначе...

— Ты же не скучаешь по мне! — Сун Чэнцин пожаловался, глядя на него молча.

Фан Чжи не мог не рассмеяться, видя, как он выглядит, словно капризный пес, и, подняв руку, поправил выбившуюся прядь волос на виске Сун Чэнцина, подтянулся и поцеловал его в губы, в

глазах его читались любовь и привязанность.

Сун Чэнцин не мог вынести, когда тот смотрел на него так, и вскоре его член, под воздействием такого горячего взгляда, начал твердеть, упираясь в бедро Фан Чжи, и начал тереться о него.

Фан Чжи покраснел до ушей, но тело его уже размягчилось, и он осторожно положил руки на плечи Сун Чэнцина, словно не в силах выдержать его взгляд, и, задыхаясь, тихо прошептал:

— Чэнцин...

Сун Чэнцин улыбнулся, его красивые глаза и черты лица, несмотря на шрам на щеке, только добавляли ему мужественности. Для посторонних он казался холодным и неприступным, но для Фан Чжи именно нежность и привязанность в его глазах были тем, что заставляло его влюбляться снова и снова.

Сун Чэнцин, видя состояние Фан Чжи, притянул его к себе и начал нежно целовать, его язык играл с языком Фан Чжи, а руки уже привычно нашли его задний проход, который после ночи страсти все еще не сомкнулся и сжимался вокруг пальцев, пытаясь втянуть их внутрь.

Фан Чжи, почувствовав прикосновения, застонал:

— Чэнцин... ах...

— Что такое? — Сун Чэнцин притворился, что не понимает, продолжая двигать пальцами внутри него, а губы уже захватили сосок на груди Фан Чжи, издавая влажные звуки.

— Мм... ах... Чэнцин... прошу тебя... — Фан Чжи, зажатый между двумя источниками удовольствия, весь покраснел, его грудь непроизвольно выгнулась, подставляя воспаленный сосок под губы Сун Чэнцина, а задний проход, хотя и опух, все еще двигался, выделяя прозрачную жидкость и пропитывая простыни.

Сун Чэнцин, дойдя до критического момента, вдруг остановился, поглаживая опухший вход, и сказал:

— Здесь уже опухло, если я войду сейчас, может порваться...

Фан Чжи, возбужденный до предела, услышав, что тот не войдет, заплакал:

— Чэнцин, войди... я смогу... я я...

Его глаза, полные слез, смотрели на Сун Чэнцина, который сам был на грани, его член упирался в бедро Фан Чжи, твердый и болезненный, словно готовый войти без раздумий, но он все же сохранял рассудок. Обычно он берег Фан Чжи, как зеницу ока, и сейчас не хотел причинять ему боль.

Подумав, он нашел другое место — маленькое отверстие спереди, из которого сочилась жидкость. Оно никогда не использовалось и было намного меньше, чем у обычных женщин. Член Сун Чэнцина был слишком большим, и он боялся причинить боль, поэтому в постели они всегда использовали задний проход.

Но сейчас другого выхода не было, и он осторожно ввел палец в это влажное отверстие, заставив Фан Чжи вскрикнуть:

— Ах! Чэнцин! Нет!

— Не бойся, не бойся, малыш...

Фан Чжи никогда не использовал это место, зная только, что врачи говорили, что оно не развито: у него не было способности к зачатию, как у женщин, и не было мягкости и податливости, как у особей среднего пола, способных доставить удовольствие партнеру. Из-за этого он не мог быть ни нормальным мужчиной, ни тем, кто мог бы родить ребенка для любимого человека.

Теперь, когда это место стимулировали, Фан Чжи не мог сдержать стонов, слезы текли по его щекам, и он смотрел на Сун Чэнцина с мольбой.

Сун Чэнцин не мог выдержать такого взгляда, наклонился и поцеловал его, облизывая его язык, шепча:

— Малыш, давай попробуем здесь, хорошо? Не бойся... я с тобой...

Фан Чжи разрыдался, плача и прося поцелуев, его тело уже превратилось в воду под руками Сун Чэнцина. Тот, нежно целуя и глядя, нашел маленькую точку и начал стимулировать ее, заставляя Фан Чжи задрожать и застонать.

Его маленький член уже выпустил струйку спермы, пропитав их животы. Сун Чэнцин тихо засмеялся, целуя его губы, и сказал:

— Наш малыш доволен? Поможешь мужу, да?

С этими словами его темный, толстый член уперся в влажное отверстие, и Фан Чжи, тихо плача, обнял шею Сун Чэнцина, подставляя свои губы для поцелуя, всхлипывая:

— Хорошо... малыш послушный...вум-вум-вум пусть муж поцелует малыша...

Сун Чэнцин, конечно, не мог отказать, нежно целуя его губы и язык, медленно вошел в него. Как только головка проникла внутрь, Фан Чжи уже не смог терпеть, боль была такова, словно его разрывали пополам, но он все же раздвинул ноги, позволяя Сун Чэнцину двигаться.

Сун Чэнцин, восхищаясь его видом, был предельно нежен, целуя и шепча:

— Хорошо, муж будет осторожен...

Постепенно входя в него все глубже.

Фан Чжи плакал, задыхаясь, крепко обнимая шею Сун Чэнцина, его маленький член обмяк, но Сун Чэнцин взял его в руку и начал нежно двигать им, снизу же начинал медленно фрикции.

Фан Чжи постепенно перестал плакать, тихо икал. Когда Сун Чэнцин резко толкнул его, он в испуге схватился за его нижнюю рубашку, которая и так уже была в беспорядке.

Сижу на работе, ничего не делаю, голова забита эротикой, нет настроения писать нормальный сюжет, я пропал.